

Феномен и типология околонуучного знания

Предложена оценка гносеологического статуса околонуучного знания как типа знаний. Дано описание его разновидностей (паранаука, псевдонаука и др.) с точки зрения их гносеологических особенностей.

Ключевые слова: *критерии научности, околонуучное знание, паранаука, девиантная наука.*

Выделение околонуучного знания как особого типа знаний является одним из следствий фундаментальной для философии науки проблемы критериев научности. Критерии научности – это логико-гносеологические характеристики, которыми должно обладать знание для того, чтобы считаться научным; выделение критериев научности предполагает, что эти признаки не обязательно отсутствуют, но не являются необходимыми в других видах знания (например, в обыденных, религиозных, художественных представлениях о мире). Если утверждается, что критерием научности является, например, объективность рассмотрения, это одновременно означает, что любая конкретная научная концепция должна стремиться к максимально соответствующему объективной реальности описанию, не поддаваясь никаким проявлениям человеческой заинтересованности в определенном результате исследования, и что художник как раз этого делать не обязан, а может себе позволить подчеркнуто авторский взгляд на вещи. Введение и использование критериев научности выполняет, таким образом, две основные функции: создает основание для демаркации, т.е. разграничения, научного и вненаучного знания, и определяет базовые методологические требования к построению научных концепций (подробнее об этом см.: [1, с. 34]).

Проблема критериев научности активно обсуждалась в философии науки с момента возникновения этой области философского знания – уже в рамках первой волны позитивизма О. Контом был предложен список параметров позитивного (т.е. по-настоящему научного) знания. В конце XX в. обсуждение проблемы было вновь активизировано необходимостью демаркации изменивших свой облик науки и вненаучного знания: наука вступила в постнеклассическую фазу развития, вненаучное знание интенсивно осваивало научные формы представления информации. За это время появилось и было обосновано немало перечней критериев научности, что позволило в конце концов прийти к набору наиболее часто выделяемых и в силу этого – базовых критериев.

Критерии научности, используемые в настоящее время, представляется возможным разделить на две группы. В первую входят наиболее важные признаки знания, связанные с самой сущностью научного способа изучения мира: объективность, обоснованность, систематичность, теоретичность, точность, эссенциальность (переход от явлений к сущности), универсальность (формулировка общих законов). При всей значимости этих признаков использование их в качестве критериев на уровне определения статуса отдельной концепции не всегда результативно, поскольку вопросы о том, насколько объективна концепция, что считать достаточной степенью ее обоснованности или необходимым уровнем точности, могут оказаться дискуссионными. Кроме того, некоторые из этих критериев могут выполняться лишь формально – например, «общие законы мироздания» формулируются в «Аюрведе», но вряд ли это позволяет считать данный текст научным. Поэтому были выработаны в дискуссиях и используются

критерии, образующие вторую группу, – менее фундаментальные, но в большей степени предназначенные для операционального применения именно на уровне отдельных концепций. Наиболее распространенным из них является предложенный К. Поппером критерий фальсифицируемости, сущность которого заключается в том, что научная теория должна не только опираться на некоторые подтверждающие ее факты (как пишет К. Поппер, «легко получить подтверждения, или верификации, почти для каждой теории, если мы ищем подтверждений» [2, с. 69]), но и устанавливать, в случае обнаружения каких данных концепцию следовало бы признать опровергнутой. Проявлением фальсифицируемости является, в частности, «рискованное предсказание», т.е. прогноз относительно того, какое не предсказанное ни с каких других теоретических позиций наблюдение должно быть сделано с точки зрения данной теории в определенных условиях, с подразумеваемым допущением, что в том случае, если в данных условиях будет наблюдаться принципиально иной результат, теория будет признана ошибочной. Применение критерия фальсифицируемости позволило К. Попперу обнаружить существенную разницу в способах взаимодействия с опытом научной и вненаучной концепции, хотя внешне в обоих случаях присутствовала ссылка на данные эксперимента. К этой же группе относятся критерий простоты (в формулировке Т. Куна), критерий прогрессивного сдвига проблем (основанный на идеях И. Лакатоса) и др.

Итак, критерии научности образуют совокупность требований к концепциям и параметров их оценки. Это своеобразная система «фильтров», при использовании которых научной будет считаться концепция, прошедшая все «ступени фильтрации». Данный тезис напрямую выводит нас на категорию околонучного знания. Каков гносеологический статус тех концепций, которые прошли некоторые «фильтры», но в каком-то из них «застряли»? Иными словами, как логически квалифицировать концепции, соответствующие лишь части, но не всем критериям научности? Это не научное знание; но это и не обыденное, религиозное или художественное знание – те строятся по иным правилам и в эту «систему фильтрации» вообще не попадают. Околонучное знание – это совокупность концепций, которые ориентированы на критерии научности, строятся в формах, принятых в науке, но не выдерживают оценки с точки зрения одного или нескольких критериев научности. Это не весь круг вненаучного знания; это ближайший к науке круг концепций, области знания, прилегающие к ней вплотную, но не входящие в ее состав. Вненаучное знание, как правило, не принимает по крайней мере некоторые критерии научности уже из первой группы, не считая их собственными и уместными для себя формами построения знаний – например, обыденное знание принципиально несистематично и не стремится к систематизации, фрагментарность как раз естественный для него способ организации информации. Околонучное знание нацелено на соответствие критериям научности первой группы, по крайней мере внешнее (формулирует закономерности, ссылается на опыты, использует графики, формулы, терминологию), но в нем не выполняются критерии второй группы (например, астрологические прогнозы содержат в себе встроенную защиту от фальсификации – формулируются с достаточным количеством оговорок, чтобы всегда можно было утверждать, что в целом они сбываются).

Набор понятий, с помощью которых можно описать круг околонучных концепций и выделить их разновидности, в литературе весьма разнороден. Основан он главным образом на идее отграничения этого типа знания от научного, в связи с чем используются термины «ненаучное знание», «паранаука», «псевдонаука», «лженаука», «квазинаука», «антинаука» и т.д.; попытка добавить к этому перечню специфические, но не столь явно противопоставленные науке формы знания вводит в оборот термины «народная

наука», «девиантная наука», «протонаука» и др. В аналитических работах, как правило, каждым автором используется какая-то часть этих терминов, без специального обоснования их выбора. На наш взгляд, разнообразная терминология может быть эффективно применена прежде всего для формирования представлений о том, какие концепции входят в состав околонаучного знания, но для этого требуется хотя бы минимальная ее систематизация.

Способы использования данного набора терминов, существующие в литературе, включают три основных варианта.

Некоторые авторы выбирают только один из терминов, трактуя его как родовое понятие. Так, «современный классик» анализа околонаучного знания Дж. Холтон пользуется термином «антинаука», называя так весь круг концепций, альтернативных даже не только науке, но и просветительской рациональности вообще [3]. У Т. Касавина широким термином, объединяющим в себе ряд разновидностей околонаучного знания, является понятие «паранаука». В частности, он дает следующее определение: «Паранаука (от греческого *para* – здесь: «около», «возле», «при», «вне») – термин, обозначающий многообразие сопутствующих науке идейно-теоретических учений и течений, существующих за ее пределами, но связанных с ней определенной общностью проблематики и методологии» [4, с. 689]. По-видимому, это наиболее логичный вариант данного подхода: в буквальном переводе термин «паранаука» как раз соответствует понятию «околонаучное знание». В [5] как родовое используется понятие «квазинаука», а как разновидности описаны и типы знания (мистицизм), и отдельные околонаучные дисциплины (астрология). В.А. Бажанов и А.М. Конопкин [6] выбрали в качестве универсального обозначения термин «псевдонаука», но периодически используют выражение «псевдо(пара)наука»; сделав заявку на метаанализ существующих концепций, они уходят от детализации. На наш взгляд, такой подход оправдан, когда речь идет о специфике данного типа знания в целом, но даже в этом случае уместнее все-таки термин «околонаучное знание», указывающий позицию его в спектре когнитивных форм без предзаданной оценочности (присутствующей в термине «псевдонаука»).

Вторая позиция состоит в разграничении небольшого числа базовых форм околонаучного знания. Например, в [1] разграничены вненаучное знание (к которому относится, в частности, практический житейский опыт), псевдо- и паранаука (например, учение об астральных полях) и антинаучное знание (религия, теософия, мистика) [1, с. 25–28]. Такая классификация полезна для общего структурирования пространства знаний, лежащих за пределами науки, и характеристики их особенностей; одним из ее достоинств является четкое разграничение этих знаний на базовые типы, как правило, не оставляющее сомнений в том, к какому типу тяготеет конкретная концепция. Но для экспликации многообразия околонаучного знания требуется более подробное описание; кроме того, как уже сказано выше, реальная дифференцированность типов знания требует различать вненаучное знание (все знание за пределами науки) и околонаучное знание (лишь наиболее близкая к науке, подобная ей часть вненаучного).

Третья позиция состоит, напротив, в максимально подробном описании различных форм околонаучного знания. Например, Т.Г. Лешкевич различает ненаучное знание (разрозненное, несистематизированное, противоречащее существующим научным представлениям), донаучное (предпосылки науки, например, искусство счета по отношению к математике), паранаучное (знания о феноменах, не имеющих убедительного научного объяснения), лженаучное (сознательно эксплуатирующее предрассудки), квазинаучное (продвигаемое насильем и принуждением – например, учение Т.Д. Лысенко), антинаучное (утопичное и искажающее действительность – например, медицинские «пана-

цей») и псевдонаучное (описанное только через примеры – поиски снежного человека, лох-несского чудовища и т.п.) [7, с. 73–74]. Проблемой таких типологий почти всегда является отсутствие единого основания, по которому выделяются подклассы, в силу чего между ними возникают пересечения, а сформулированных описаний оказывается недостаточно для четкого разграничения (например, разве концепции, продвигаемые силовыми методами, не могут быть – а чаще всего и бывают – противоречащими существующим научным представлениям?). В результате получается не разбиение круга околонаучных знаний на составляющие, а выделение то одной, то другой (иногда частично перекрывающей первую) составляющей, не дающее уверенности в полноте «покрытия» рассматриваемой сферы. В то же время многие критерии демаркации, применяемые в таких классификациях, имеют вполне реальное гносеологическое значение. Например, представляется, что развитие околонаучной концепции в области, где научные представления отсутствуют, и в области, где они существуют, входящее в этом случае в противоречие с ними – это действительно два явно различных подвида околонаучного знания.

В поисках системообразующих признаков для типологии околонаучного знания, на наш взгляд, необходимо, во-первых, разграничить логико-гносеологические и социальные основания классификации (большинство известных нам классификаций неявно использует оба одновременно). Логико-гносеологические основания – это характеристики самого знания: способы определения базовых постулатов концепции, методология ее развертывания, уровень и способы обоснования, степень когеренции с научной картиной мира. Социальные параметры концепций – это способы распространения знаний (включая, например, идеологическое давление), характеристики субъектов – их носителей, социальные потребности, лежащие в основе их возникновения. Поскольку речь идет все-таки о знании, представляется предпочтительным выбрать в качестве базовых логико-гносеологические критерии, не смешивая их с такими социальными характеристиками, как «малограмотный пафос», чувствительность к злобе дня, усиление в период социальной нестабильности и т.п. – все это скорее особенности трансляции знания, чем самого знания.

Во-вторых, представляется возможным построить классификацию околонаучного знания на основе более широкой и уже достаточно отработанной в литературе классификации вненаучного знания. Трактую вненаучное знание как построенное по сущности иным по сравнению с наукой канонам, в его составе выделяют обыденное, художественное, религиозное знание; достаточно часто к ним добавляется мифологическое (служившее когда-то единственной средой накопления информации), специализированное практическое (получаемое, как и обыденное, непосредственно в практическом опыте, но при этом – в опыте специализированной деятельности) и философское (которое на фоне растущих несциентистских настроений все чаще рассматривается как лежащее также за пределами науки) – см., например, [8].

Если представить все поле человеческого познания как условно разделенное на территории обыденного, научного, художественного, философского и т.д. познания, то знание, выходящее, хотя бы частично, за пределы одной из этих территорий, оказывается одновременно в пространстве другого вида познания. Околонаучное знание лежит за пределами науки, хотя и в ее ближайшем окружении; соответственно оно находится на дальней периферии вненаучных видов познания. Если в нем не до конца реализованы критерии научности, то параллельно в нем возникают некоторые черты обыденного, художественного, мифологического и других видов познания.

Именно эта закономерность и может быть использована в качестве логико-гносеологического основания классификации: разновидности околонучного знания представляется возможным выделить исходя из того, черты какого вида вненаучного знания соединяются в каждом случае с признаками научности.

Наиболее распространенным видом вненаучного познания является обыденное. Обыденное познание – это приобретение знаний в повседневной жизни, вне процессов специального изучения (научения). Обыденные знания образуют житейский опыт, необходимый для повседневной деятельности. Тематически оно крайне разнородно (в его состав входят, например, сведения о маршрутах городского транспорта, о том, где и как можно делать покупки, о людях, с которыми человек взаимодействует) и по своему характеру не предполагает и не требует систематизации. Обобщение вполне возможно в его составе (например, человек может, исходя из собственного практического опыта, делать выводы о закономерностях поведения людей), но также не является необходимым его элементом. Указанные черты отчетливо специфицируют его как иной тип знаний по сравнению с наукой.

Из обыденного познания в свое время выросла наука. Переходная форма знания между обыденным и научным познанием – это преднаука, устойчивый, предметно локализованный и первично систематизированный комплекс сведений по определенной тематике. Например, предматематика в обществах века бронзы (до того, как она окончательно приобрела научную форму в античной культуре) – это искусство счета, вычисления площадей и объемов, измерения углов, выработанное в практике. Это весьма развитое в древних культурах искусство (например, древним египтянам при строительстве пирамид требовалось точно измерять углы между гранями каменных блоков и длины ребер, для оценки веса глыб – вычислять объемы призмы и пирамиды, для облицовки – высчитывать площади прямоугольников и треугольников), из которого при нахождении теоретических оснований и возникла математика.

Преднаука – классическая форма околонучного знания: некоторые черты научного знания в ней проявлены, но полностью научному типу познания она не соответствует. Преднаука как разновидность околонучного знания играет важную роль в истории культуры, но в современности редко встречается в чистом виде – даже при зарождении новых дисциплин они чаще проходят допарадигмальный период в сфере научного знания, формируясь не столько на основе повседневного опыта, сколько на стыках существующих научных дисциплин. Зато осталась распространенной и заняла устойчивое место в культуре модификация этого типа знания – *народная наука*.

Народная наука (folk-science в англоязычных источниках) – это комплекс знаний, накопленных в практическом опыте, концентрирующихся вокруг определенного предмета, существующих преимущественно в устной форме и прошедших лишь самую минимальную систематизацию. Примером такого знания может служить народная метеорология – совокупность примет, помогающих определить погоду на ближайший день, на следующий сезон, сроки установления и схода снега, разлива рек и т.д. Народная наука – концентрированное выражение обыденного опыта, которое по крайней мере частично подтверждено и практически эффективно, но при этом часто привязано к особенностям жизни и среды существования локального человеческого сообщества и не может, в отличие от науки, использоваться как универсальное знание. Наука может обращаться к нему, встраивая его фрагменты в собственную систему представлений о мире, но в целом народная наука – это не знание, которое в перспективе превратится в науку; это знание, которое сохранилось и заняло свое место в

общественном сознании в определенном гносеологическом статусе – и это околонаучная позиция.

От обыденного знания обоснованно отличают иной вид вненаучного знания – специализированное практическое (или предметно-практическое) познание – см., например, [9]. Это совокупность знаний, которые также приобретаются в практике, но, в отличие от обыденного познания, не просто в повседневной жизни, а в специальной деятельности. Например, занимаясь спортом, человек приобретает, конечно, прежде всего определенные навыки, но вместе с тем – и соответствующие знания о работе своего организма, тактике выступления, системе подготовки; работая в саду, человек накапливает информацию о сортах растений, сроках выполнения работ, характеристиках почвы и т.д. Такие наборы знаний пополняются советами специалистов, рекомендациями соседей, собственными наблюдениями; этого пласта знаний нет у людей, не погруженных в данную деятельность (и ценность такой информации для разных групп соответственно различается весьма существенно).

На стыке науки с этим типом вненаучного знания возникает разновидность околонаучного знания, которую мы хотели бы выделить как особую по сравнению с народной наукой. Это организованная практика, содержащая совокупность рекомендаций к выполнению определенной деятельности, систематизированную, включающую более или менее строгий набор правил и норм. Таким знанием, например, является фэн-шуй (в современном варианте) – практика символической организации пространства. От науки знание такого типа отличается прежде всего отсутствием даже минимального обоснования в рамках существующей научной картины мира (например, почему нематериальная энергия ци, свободно проходящая в жилище, при этом застаивается в нефункциональных углах?), а от классических народных наук – направленность не на отражение, а на перестройку реальности (народная метеорология определяет погоду, фэн-шуй реорганизует пространство дома). К знанию того же типа следует отнести, на наш взгляд, своеобразные дисциплины типа «кулинарная наука», «наука эффективных продаж», «похоронные науки» – называть наукой все, чему следует специально учиться, любое дело, в котором выработаны какие-то профессиональные рекомендации, изначально было заведено в США, но постепенно эта традиция распространилась в том числе и в России. Как отмечает И.Т. Касавин: «Эти дисциплины учат полезным знаниям и навыкам, но не содержат системы идеализированных объектов, процедур научного объяснения и предсказания и потому не поднимаются выше систематизированного и дидактически оформленного опыта» [4, с. 690], т.е. не соответствуют критериям научности. На наш взгляд, гносеологический статус данных дисциплин должен рассматриваться не в терминах недостаточности такого знания (или, более того, попыток как-то подтянуть его под критерии научности), а в направлении четкого признания того, что это особый по сравнению с наукой тип знания, который обрел свою нишу в когнитивном поле и будет ее сохранять в силу востребованности знаний именно такого типа. В самом деле, действительно ли мы уверены, что все проблемы без исключения должны решаться именно средствами науки?

Общепринятого термина для данной разновидности околонаучного знания пока не существует, поскольку чаще всего он трактовался как вариант народной науки. Отмеченные особенности дают, на наш взгляд, основание утверждать, что это особый вид околонаучного знания, который предлагается обозначить как *практическую науку*.

Следующую разновидность околонаучного знания составляют *окультные науки* – концепции мистического плана, основанные на допущении тайных (термин *occultus* и означает «скрытый»), лежащих за пределами доступной нам реальности сил и сверхпри-

родных явлений, контакт с которыми требует применения специальных практик. Другими словами, это группа концепций, базовым постулатом которых является существование наряду с естественной, природной и наблюдаемой реальностью принципиально иной – внеприродной, недоступной обычному опыту и, соответственно, сверхъестественной реальности (что и определяет прежде всего их альтернативность науке, основанной на идее натурализма и всеобщности естественных закономерностей). Как правило, оккультные науки опираются также на утверждение, что более тонкие материи требуют и более тонких методов, чем те, что доступны грубой материалистической науке. Целый ряд концепций такого типа включает экстрасенсорика, принципиально основанная на идее существования пласта реальности сверх («экстра») обычного восприятия; к этой же сфере относится спиритуализм, мистическая танатология – наука о движении души после смерти и т.п.

Поскольку вера в сверхъестественное составляет определяющий признак религии, очевидно, что эта часть околонучного знания возникает на стыке с религиозным познанием. Многие оккультные науки (например, теософия, магия) характеризуются с точки зрения религии также как псевдорелигиозные формы мышления (т.е. и по отношению к религии составляют знание за пределами нормативного). С информацией они работают во многом по религиозному типу, требуя от своих адептов веры, сакрализуя тексты, канонизируя основоположников, а также подчеркивая доступность высших уровней знаний лишь для избранных.

В отличие от религиозного, мифологическое познание не рассматривает сверхприродный срез реальности как сверхъестественный: мифологические представления о сущностях, олицетворяющих природные явления и социальные силы, представляют их включенными в универсальную сеть космических взаимосвязей, предметными и телесными. Вспомним, что мифологические боги имели определенное место жительства, пользовались магическими предметами, их можно было ранить и даже убить: они обитатели нашего, а не трансцендентного мира. На стыке науки с мифологией возникают околонучные концепции несколько иного плана. Для их спецификации представляется возможным использовать следующую характеристику мифологического мышления: миф – прежде всего форма ложного сознания. Любая попытка описать его с гносеологических позиций неизбежно содержит в себе указание: «Миф в широком значении этого слова являет собой веру в истинность объективно ложных представлений» [10, с. 7]; мы называем мифом лишь то представление о мире, в котором зафиксировали присутствие принципиально неверной, на наш взгляд, идеи (что не исключает наличия действующих оснований для его распространения и даже принятия).

Разновидность околонучного знания, граничащая с мифологией, – это совокупность концепций, построенных, в отличие от оккультных наук, на натуралистическом подходе к познанию, но при этом включающих принципиально неверные с точки зрения доказанных научных положений идеи. Мы предлагаем использовать для обозначения этого типа концепций термин «псевдонаука», существенно сужая его значение по сравнению с существующим в литературе: это не все, что неверно с точки зрения науки, а только круг концепций, характеризующихся указанной комбинацией признаков. Примером здесь будет концепция Т.Д. Лысенко, которую можно назвать мистической исключительно в переносном смысле (она строилась как крайне натуралистическая и материалистическая) и которая при этом вступала в противоречие с объективно доказанной к этому периоду генетикой. Именно к псевдонауке как части околонучного знания принадлежат также астрологические учения, определяющие характер и судьбу человека по расположению звезд в момент его рождения (при том, что сроки прохож-

дения Солнца через зодиакальные созвездия давно сместились), разработки изобретателей вечного двигателя и т.д.

Для псевдонаучных концепций характерно, кроме того, использование эмпирического материала, полученного с существенными отклонениями от нормативных процедур научного исследования, и логически некорректных теоретических построений. В частности, организация опыта редко включает контрольный эксперимент, направленный на попытку найти иное по сравнению с заявленным объяснение наблюдаемого явления, зато в описаниях опыта активно используется ссылка на субъективное состояние. Например, указывается, что при прохождении аномальной зоны возникает странное чувство, настроение все время меняется, и эти изменения (не фиксируемые объективно) служат доказательством существования аномальной зоны.

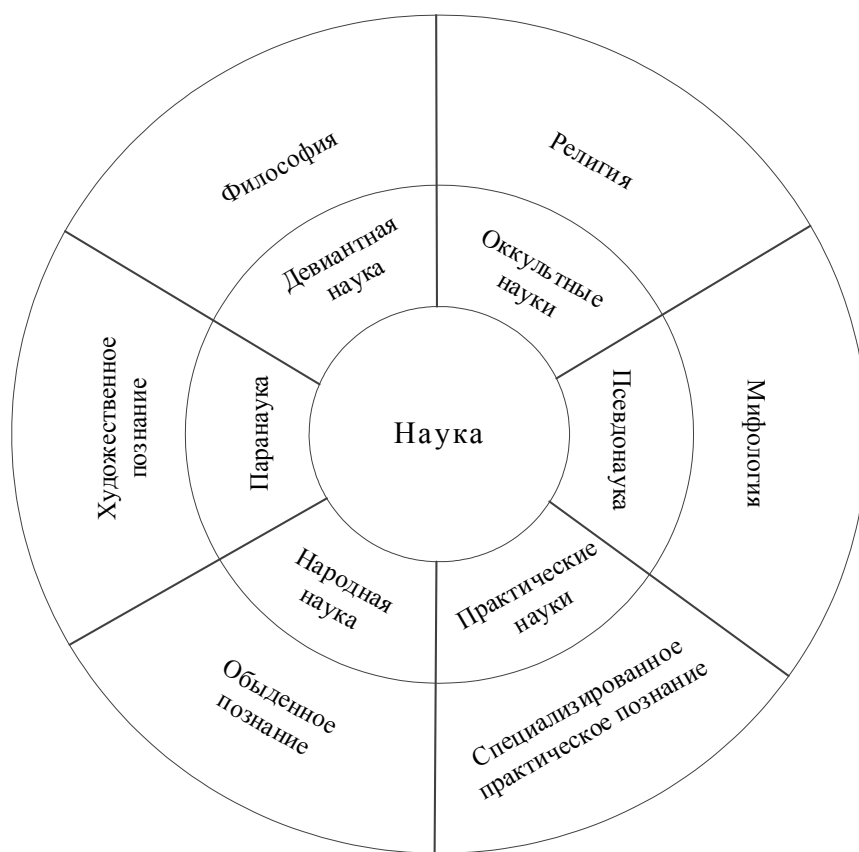
От концепций, разрабатываемых вразрез с существующей научной картиной мира там, где парадигмальные решения уже найдены, следует отличать концепции, разрабатываемые в тех областях, где концептуальная определенность еще не достигнута. Следующая разновидность околонаучного знания – это концепции, базирующиеся на собственных и логически широких интерпретациях рациональных в своей основе и допустимых с точки зрения научных представлений о мире исходных положений. Мы обозначим этот круг концепций как *паранауку*, также в самом узком значении по сравнению с вариантами, встречающимися в литературе. Примером такой концепции может служить дианетика, которая, с одной стороны, основывается на рациональной идее существования бессознательного слоя психики и неявного, но существенного влияния этого слоя на сознание и деятельность человека, а с другой – интерпретирует характер и происхождение идей бессознательного (в дианетике они называются инграммами) весьма специфически. К этому же типу принадлежит уфология: само по себе предположение о существовании иных разумных цивилизаций во Вселенной вполне допустимо с точки зрения науки, но поиск признаков их частого и тайного присутствия на Земле – весьма смелая интерпретация этого тезиса.

Паранаука возникает на стыке науки с художественным познанием. Познание мира через художественные образы традиционно дополняет науку в культуре: с точки зрения предметной области художественное познание охватывает и выражает области, труднодоступные для научного способа понимания (эмоциональную сферу, многообразие индивидуального), а с точки зрения метода добавляет к рациональному познанию ценностное и эмоционально окрашенное. «Искусства суть благодарные, чувствительные орудия, с помощью которых человек выражает то, что не может быть выражено никаким другим образом», – писал Х. Ортега-и-Гассет [11]. Искусство может оторваться от объективной действительности в поисках художественной правды, далеко не совпадающей с точным воспроизведением, и увидеть мир не таким, какой он есть, а таким, каким он мог бы оказаться. Вот этот скачок из царства объективной необходимости и нормативности мышления в пространство свободы (в том числе от надежности обоснования) и является прорывом художественного мышления в паранауку. Не случайно многие паранаучные концепции непосредственно связаны с искусством – достаточно вспомнить, какое количество сюжетов в литературе и кинематографе породила идея встречи с инопланетянами.

И, наконец, особую форму околонаучного знания составляет *девиантная наука*. Она возникает на границе философского и научного знания, а это особая граница. Философия и сама развивается в культуре как наука, обладая наиболее существенными характеристиками научного знания: направленность на обнаружение сущности за явлениями, поиск универсальных закономерностей объективного мира, постоянная интенция к

верификации идей, терминологическая и логическая точность. Вместе с тем философия ставит предельно общие и ценностно окрашенные вопросы, на которые не может быть полностью логически детерминированных ответов, в связи с чем в дополнение к рациональной аргументации использует также аксиологические ориентиры и мировоззренческий выбор. Иными словами, в философии скорее не недостает чего-то до критериев научности, а присутствует еще что-то сверх них.

Девиантная наука – это попытка науки шагнуть вверх, прорваться дальше, чем это даже минимально обеспечено существующими на данный момент научными разработками. К девиантной науке относятся исследования ученых-одиночек по собственным программам, отличающимся от программ, формируемых парадигмой, даже не ответами на вопросы, а характером самих вопросов: парадигма определяет «тематическое пространство» нормальной науки, а исследования девиантной науки выполняются по совершенно иной тематике. Примером может служить гелиобиология А.Л. Чижевского, связавшего в начале XX в. ряд биологических и социальных процессов на Земле с колебаниями активности Солнца. Чаще всего такие концепции действительно вдохновляются философскими соображениями – не случайно целый спектр девиантных разработок, в том числе космонавтику К.Э. Циолковского, вызвал к жизни русский космизм (очень своеобразное течение на стыке философии и естествознания).

Виды околонаучного и вненаучного познания

Девиантная наука – наиболее профессиональная часть околонаучного знания. Т.Г. Лешкевич отмечает: «Отличительной особенностью девиантного знания является то, что им занимаются, как правило, люди, имеющие научную подготовку» [7, с. 78]. Выводы А.Л. Чижевского, в частности, базировались на достаточно серьезных математических расчетах. В то же время В.П. Филатов характеризует девиантную науку как

маргинальное явление [12, с. 20–24], что также трудно назвать несправедливым: девиация – это всегда отклонение, и исследование, предпринятое ученым в одиночку на свой страх и риск, вовсе не обязательно представляет собой гениальное прозрение – у него гораздо больше вероятность оказаться ошибочным. Просто мы здесь располагаем примерами в основном состоявшихся исследований. Но философский импульс – понять, разобраться, не довольствуясь уже созданным готовым знанием, увидеть мир как глобальную целостность, замкнуть систему его описания – это движущая сила развития познания. И не случайно девиантная наука оценивается как форма роста науки.

Выделенные разновидности околонучного знания логически занимают свои места в общем пространстве познания следующим образом (рисунок).

Разумеется, как в большинстве типологий, границы между выделенными разновидностями не являются абсолютными. Существуют гибридные формы околонучного знания, а также трансформация отдельных концепций (например, превращение девиантной концепции в псевдонаучную, если она сохраняется при дезавуации ее исследовательской программы полученными в науке результатами). Но в целом описание возможных разновидностей околонучного знания позволяет составить более полное представление об этом гносеологическом феномене.

Библиографический список

1. История и философия науки: Учеб. пособие / В.Д. Верескун, П.М. Постников, Ю.Д. Мишин, Н.И. Мартишина. Новосибирск: Наука, 2011. 344 с.
2. Поппер К.Р. Предположения и опровержения: Рост научного знания. М.: ООО «Изд-во АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. 638 с.
3. Холтон Дж. Что такое антинаука? // Вопросы философии. 1992. № 2. С. 26–58.
4. Касавин И.Т. Паранаука // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. С. 689–691.
5. Найдыш В.М., Гнатик Е.Н., Данилов В.Н. Наука и квазинаука. М.: Альфа-М, 2008. 320 с.
6. Бажанов В.А., Конопкин А.М. О классификации подходов к определению псевдонауки: традиции и новации // Эпистемология и философия науки. 2012. № 1. С. 174–191.
7. Лешкевич Т.Г. Философия науки: традиции и новации. М.: ПРИОР, 2001. 428 с.
8. Лойфман И.Я. Субъективные образы объективного мира // Двадцать лекций по философии: Учеб. пособие / А.В. Грибакин, Ю.П. Ершов, В.Е. Кемеров и др. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. С. 91–109.
9. Щавелев С.П. Метод практики: природа и структура. М.: ФЛИНТА, 2011. 84 с.
10. Елсуков А.Н. Познание и миф. Минск: Изд-во «Университетское», 1984. 151 с.
11. Ортега-и-Гассет Х. Адам в раю. URL: <http://www.lib.ru/FILOSOF/ORTEGA/ortega02.txt>
12. Филатов В.П. Наука в контексте идеологии и вненаучных форм знания. М.: ИФ РАН, 1992. 38 с.

Martishina N.I. Phenomenon and Types of Quasi-scientific Knowledge. The estimation of the epistemological status of quasi-scientific knowledge as a type of knowledge is proposed. The description of his species (parascience, pseudoscience, etc.) in terms of their epistemological features is given.

Key words: *criteria of scientific knowledge, pseudo-scientific knowledge, parascience, deviant science.*

Мартишина Наталья Ивановна – доктор философских наук, профессор кафедры «Философия и культурология» СГУПС. Область научных интересов: теория познания, философия науки. E-mail: nmartishina@yandex.ru